

Перед сном Пэй Минцзин позвонил по видеосвязи. Чжао Цы, только что снявший верхнюю одежду, поспешно надел её обратно и ответил на вызов. На экране появилось лицо Пэй Минцзина — вернее, его половина.

Высокая переносица, очки в тонкой квадратной оправе без оправы, холодное, словно отполированный нефрит, лицо и безупречная статья. Он сидел в черном офисном кресле в отеле, облаченный в рубашку цвета белого агата.

Чжао Цы послушно поздоровался:

— Брат Минцзин.

— М-м. — Пэй Минцзин вглядывался в изображение Чжао Цы на мониторе. В его взгляде промелькнуло едва уловимое изменение, но что именно было не так, он понять не успел. Отбросив лишние мысли, он заметил ранку на губе парня и тут же нахмурился. — Что с губой?

— Случайно прикусил.

— ...Неуклюжий. — Пэй Минцзин бросил взгляд куда-то в сторону.

Чжао Цы понял намек и повернул телефон:

— Я сегодня сплю один.

— Впредь не ложись в одну кровать с кем попало. Забыл, что у тебя кожный голод?

— ... — Лицо Чжао Цы слегка порозовело. Он действительно забыл об этой легенде, которую сам же и придумал. Вспомнив советы с анонимных форумов, он решил пока начать издалека. Мягким голосом он произнес: — Брат Минцзин, когда ты вернешься? Мне что-то нездоровится.

Пэй Минцзин сухо отозвался:

— Не просил никого тебе помочь? — В его тоне чувствовалась явная ревность.

Чжао Цы понял, что под этим кем-то Пэй Минцзин имеет в виду Чжан Юйняня. При мысли о вчерашнем дне на его белоснежных щеках проступил легкий румянец, а в глазах невольно отразилась мимолетная, по-юношески невинная соблазнительность.

Пэй Минцзин остро уловил эту перемену, но не понял её природы. Увидев, что Чжао Цы покраснел, он похолодел:

— Встречался с кем-то?

Чжао Цы не смел сказать правду, тем более что это вышло не специально, и поспешил отнекнуться:

— Нет же.

— Тогда почему покраснел?

Ну и ну, брат Минцзин, как всегда, до всего докапывается и так любит ревновать. Чжао Цы ответил:

— Потому что... потому что я стесняюсь.

Пэй Минцзин молча смотрел на него, ожидая продолжения.

— Я обнаружил, что, кажется, больше не болен... — пробормотал Чжао Цы.

Услышав о здоровье, Пэй Минцзин стал серьезен:

— В чем причина?

Чжао Цы взглянул на него и опустил длинные ресницы, смущенно прошептав:

— Расскажу, когда вернешься...

Позже они еще немного поболтали. Чжао Цы узнал, что Пэй Минцзин и его мама вернутся послезавтра, и рассказал, что сегодня его добавил в друзья Тань Яньлинь. Оказалось, тот самый сосед по комнате из университета собирается жить вместе с ними. Сообщая об этом, Пэй Минцзин выглядел раздраженным — ситуация явно вышла из-под его контроля.

Чжао Цы знал положение дел в семье Пэй Минцзина. Хотя для матери все дети одинаково дороги, она всегда больше тосковала и чувствовала вину перед тем, кто был далеко. Тетя Пэй Аожун именно из таких — она чувствовала себя виноватой перед Тань Яньлинем за то, что отдала его бывшему мужу-изменнику, который не дал ей времени на развод и сразу начал жить с любовницей.

Со временем это чистое чувство вины исказилось. Особенно после того, как Тань Яньлинь перестал поддерживать с ней связь, она начала время от времени выплескивать накопившееся напряжение на Пэй Минцзина. В детстве, когда брат Минцзин в слезах выбегал из дома и сидел на крыльце, Чжао Цы, увидев это, семеня к нему на своих коротких ножках и уводил к себе.

То, что Тань Яньлинь будет жить с ними — несомненно, решение тети. Оба брата были по-своему несчастны, поэтому Чжао Цы сказал:

— Ничего страшного, брат Минцзин. Пусть живет, если хочет. Я давно не держу зла из-за того

случая, к тому же мы оба парни, подумаешь — поцеловал.

Конечно, недовольство Пэй Минцзина было вызвано не только этим, главная причина крылась в их матери. Чжао Цы долго успокаивал его и просил не обсуждать это с ней, иначе пострадает только сам Пэй Минцзин.

После звонка Чжао Цы положил телефон на тумбочку и выключил свет. Возможно, из-за мыслей перед сном ему приснилось прошлое — когда ему было шестнадцать.

В то лето Пэй Аожун каким-то образом уговорила Тань Яньлиня приехать к ним, прихватив с собой гитару. Поначалу Чжао Цы даже принял его за Пэй Минцзина. Тань Яньлинь намеренно подражал характеру брата и, как в детстве, любил поддразнивать Чжао Цы.

Тань Яньлинь пробыл в Наньчэне всего два дня, и тот инцидент случился во второй половине дня. Он с наглым видом заявил, что хочет пить, и велел Пэй Минцзину сходить за напитками. Пэй Минцзин уже давно не испытывал теплых чувств к младшему брату, но мать постоянно напоминала ему о долге, поэтому он, нахмурившись, ушел, перед этим велев Чжао Цы запереть дверь в спальню.

С момента приезда Тань Яньлинь не сводил с Чжао Цы глаз. Чжао Цы по привычке называл его братом, хотя его настоящий брат был только один. Дверь он не запер — боялся, что если Тань Яньлинь пожалуется тете, что брат его игнорирует, то тетя Аожун устроит Пэй Минцзину холодную войну, и тот будет долго страдать.

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь кремовые шторы. Чжао Цы в белой футболке с принтом и серых брюках лежал на полу в спальне Пэй Минцзина, держа во рту леденец. Он с увлечением читал роман, держа книгу тонкими руками.

Дверь открылась — вошел Тань Яньлинь. Он медленно подошел и прилег рядом, подперев голову рукой, и улыбнулся:

— Читаешь?

Чжао Цы кивнул, вынул изо рта леденец, облизнул красивыми пухлыми губами остатки сладости и позвал:

— Яньлинь... Тань Яньлинь.

Тань Яньлинь задержал взгляд на его губах и усмехнулся:

— Почему снова по имени?

Утром он назвал его братом, но тот не ответил, а Пэй Минцзин, прибежав, недовольно отчитал его за то, что он называет обоих братьями, и теперь непонятно, к кому он обращается. Имена-то у них разные... Чжао Цы вкратце объяснил это Тань Яньлиню. Тот лишь улыбнулся и

промолчал.

Чжао Цы вернул леденец в рот и продолжил читать. Он чувствовал на себе взгляд Тань Яньлиня, но не придавал этому значения, поэтому не заметил, как менялось выражение лица того, глядя на его губы.

Вскоре Тань Яньлинь спросил:

— Сяо Цы, еще конфеты есть?

Чжао Цы как раз разгрыз леденец. Когда он вытащил пластиковую палочку, на подбородок упала крошка сахара. Он смахнул её нежным пальцем, поднес к губам и слизнул её розовым язычком. Боясь, что кожа станет липкой, он облизнулся еще пару раз.

Затем он ответил своим сладким, как конфета, голосом:

— Больше нет. Эта осталась от детей родственников, которые приходили в гости. Если хочешь, позвони брату Минцзину, пусть купит.

Тань Яньлинь долго смотрел на него, а потом рассмеялся:

— Ладно, не стоит беспокоиться.

Тань Яньлинь опустил руку, придвинулся ближе и, словно волк, решивший притвориться псом, ласково положил подбородок ему на плечо. Вдруг он замер:

— Как вкусно пахнет... молоком. Пользовался духами?

<http://bllate.org/book/19895/1958668>